

Когда все билеты проданы...

(ЗАМЕТКИ ЗРИТЕЛЯ)

Когда встречаешься с произведением истинного искусства, не хочется приниматься за строго регламентированную газетную рецензию, где непременно присутствуют пересказ пьесы, затем разбор работы режиссера и актеров и, наконец, сдержанные комплименты и чепрекаемые упреки в адрес всего театрального коллектива. И поэтому я просто попытаюсь поделиться с читателями теми впечатлениями и мыслями, которые вызывает новый спектакль областного театра драмы «Когда цветет акация» по пьесе Винникова.

Как известно, театр не баловал нас в этом сезоне яркими созданиями. А это тотчас же оказывает серьезнейшее влияние на кассу театра, где билеты обычно можно купить и после третьего звонка.

На этот раз, хотя день был будничным, нас ожидала совершенно иная картина. Еще за улице, несмотря на сильный мороз, к нам обращались со знакомым вопросом: «Нет ли лишнего билетика?», который в последнее время можно иногда услышать разве что у кинотеатра «Октябрь» перед началом вечернего сеанса. В паружном фойе еще больше народу. Это те, кто не достал билетов, но надеются на удачу в последнюю минуту. Однако удачи не предвидится. Запоздавшие счастливицы — обладатели билетов торопливо пробегают мимо, опасаясь пропустить начало действия.

Чтобы объяснить столь удивительное явление, нам придется пройти в зал, где, очевидно, будет показана история необыкновенная.

И вот мы в зрительном зале. Начинается действие — и, увы, наша тайная надежда увидеть что-то из ряда вон выходящее не оправдывается, несмотря на не совсем привычное пребывание на сцене великого и его остроумные реплики по ходу действия. Нет, здесь все как будто обстоит так же, как и в десятке других знакомых пьес, хотя и носящих

тот же заманчивый подзаголовок — «лирическая комедия», но, мягко выражаясь, не вызывающих бурю восторгов.

Судите сами. Молодой человек, студент Илья Шатилов, совершает проступок, который его друзья склонны рассматривать как ошибку, а недоброжелатели — как преступление. Он постепенно осознает свою вину — и все оканчивается прекрасно. Ничего необычного нет и в других, много раз виденных ситуациях: как Илья разочаровывается в предмете своего юношеского увлечения — красивой, но пустенькой Анюте и открывает много привлекательного в некрасивой и строптивой Раисе, как пожилой доцент Комаровский терпит неудачу в ухаживании за студенткой и избирает более достойный его объект — секретаршу директора, как...

Впрочем, стоп. Мы чуть было не сбились на скучный пересказ содержания пьесы, который к тому же ничуть не объяснит, почему же все-таки зрители незаметно для себя все больше и больше увлекаются и, наконец, становятся не посторонними наблюдателями, а активными участниками всей этой истории.

Интереснее всего, что это участие не прекращается в тот момент, когда в последний раз опускается занавес и у гардероба образуется очередь. Не сомневаюсь, что во многих домах, куда возвращаются после спектакля взволнованные зрители, и в тот же вечер и на завтра вспыхивают жаркие споры по поводу увиденного. И только когда улягутся первые впечатления, станет возможным разгадать секрет успеха спектакля.

Этот секрет кроется в той страстной оценке изображенных людей и их отношений, которую режиссер и актеры утверждают на сцене, идя за автором пьесы. И вот оценка эта действительно не совсем обычна. Вернее, необычна, если сравнить ее с плоскими моральями, которыми пичкали нас создатели бесконфликтного театра.

Она активно направлена против формалистов, судящих о человеке не по его душевным движениям (а ведь именно эти движения и составляют предмет искусства, не так ли?), а по тому, под какую формальную рубрику можно втиснуть его поступки. Чтобы резче подчеркнуть эту боевую направленность, драматург и актеры нарочно заостряют положения, в которых оказываются герои. И, несмотря на эту остроту, зрители вслед за создателями спектакля безошибочно определяют свое отношение к разным персонажам.

Илья Шатилов, например, фактически присваивает чужую вещь, а мы не торопимся вместе с доцентом Комаровским свирено осудить этого юношу, потому что понимаем: Илья — движало благородное побуждение — помочь товарищу, оставшемуся без стипендии. Директор Сухарев в наших глазах далеко не симпатичен, когда он намерен исключить Илью из института и отдать его под суд; но тому же Сухареву зрители горячо аплодируют, когда он остроумно мешает Комаровскому совершить этот формально правильный, но по сути бесчеловечный акт возмездия.

И даже милиционер вызывает взрывы одобрительного смеха, хотя он как-то странно выполняет свой формальный долг: задерживает не Бориса Прищепина, кинувшего в ресторане дохлую галку на тарелку Анюты, а Анюту и Комаровского. Ведь озорство Бориса гораздо человечнее, чем безупречное с виду, но неприятное по существу ухаживание пожилого доцента за холоденкой студенткой или эгоистичное легкомыслие этой девицы.

Мы все время сталкиваемся в спектакле с различными видами и степенями формализма и неизменно весело празднуем победу над ним вслед за творцами этого искрящегося юмором и лирикой зрелища, насквозь проникнутого любовью к людям и тревогой за их судьбы.

Пожалуй, трудно определить, кто больше всех способствовал успеху спектакля. Насколько творчески подошел к делу постановщик — молодой режиссер Г. Н. Чесноков, видно из того, что он даже дописал несколь-

ко диалогов и сценок, удачно дополнивших пьесу. Если говорить об актерах, то мне кажется, что глубже и ярче всех играют А. А. Клемантович (Илья) и З. А. Никитина (Раиса); многие утверждают, что еще большее впечатление на них произвели А. А. Мохин (ведущий) и В. П. Марченко (Борис).

Нельзя даже сказать, что это победа именно молодых актеров. Ведь очень помог им художественный руководитель театра, заслуженный деятель искусств РСФСР Н. И. Уралов — большой мастер лирической комедии. Превосходно играют и актеры старшего поколения — П. С. Денисов (Сухарев), Б. Н. Шариков (Комаровский), Ф. М. Марина (тетя Мотя), Н. Н. Гейптце (секретарша директора), да и все остальные исполнители — пусть не посетуют они, что не все имена названы в этих беглых заметках.

Спектакль потому хорош, что он сделан в лучших традициях нашего театра, что в нем актеры не «рвут страсти» (как в «Василисе Мелентьевой») и не читают унылые лекции в монологах и диалогах (как в «Первой весне»), а горячо, заинтересованно раскрывают мысли автора умной пьесы, делая их основой для своего творчества.

«Когда цветет акация» — настоящий ансамблевый спектакль, где каждый актер умеет отказаться от соблазна лишнего раз сорвать аплодисменты с помощью выигрышного трюка, а сознательно подчиняет себя общей задаче, выигрывая при этом и сам. В таких постановках наш театр всегда добивался успеха: вспомним «Два капитана» или «Пучину», «В добрый час!» или «Чужого ребенка». И наоборот, отступая от этих традиций, коллектив неизменно терпел неудачу, что, к сожалению, часто бывало в последнее время.

Мы нередко говорим, что любим свой театр, но иногда не решаемся добавить — не всяким. Мы любим тот театр, который снова увидели в спектакле «Когда цветет акация», и хотим, чтобы он всегда был таким. Мне кажется, так думают многие зрители.

М. ГОФМАН.